

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Вальтер Беньямин:
«Тезисы по философии истории»
(1940)

Цель: ознакомиться с работой Вальтера Беньямина «Тезисы по философии истории».

Ключевые слова: история, фашизм, труд, природа, прошлое, исторический материализм.

Продолжаем знакомиться с работами философов, представленных в антологии Джулии Ривкин и Майкла Райана «Теория литературы». В данной лекции речь пойдет о работе Вальтера Беньямина «Тезисы по философии истории», опубликованной в 1940 году.

Как пишут Д. Ривкин и М. Райан, Вальтер Беньямин был одним из самых важных марксистских мыслителей XX века. И весьма умозрительный в своем подходе, и чрезвычайно пронзительный в отношении пересечения искусства и массовой культуры, он написал ряд эссе, которые вдохновляли ученых, боровшихся с проявлениями фашизма в человеческой природе и исследующих то, как новые средства массовой информации (media) преобразуют концепции и практики литературы и искусства. В его широко известном труде «Произведение искусства в эпоху механического воспроизводства» утверждается, что новые средства массовой информации, которые делают искусство легко воспроизводимым, меняют его культурную ценность и лишают той ауры, которая позволяла ему быть признаком культурного статуса и иерархической ценности.

Новая область кино, утверждал В. Беньямин, в направлении, которое предвосхитило некоторые выводы неврологии, изменяет наши способы мышления и видения. В презентуемом эссе, посвященном концепции истории, он отмечает, что политические ситуации определяют траекторию движения истории во времени. В 1920-1930-ые годы парламентские левые (в основном социал-демократы) были в противостоянии с правыми (нацистами). Марксисты (спартакисты) были репрессированы в 1919 году, что расчистило путь для подъема революционно-консервативного движения под названием нацизм.

Социал-демократы не осознавали опасности, которую представляли нацисты. Они воспринимали историю как поступательное движение вперед. Поэтому, например, предполагалось, что положение рабочего класса может постепенно улучшиться по мере улучшений условий труда, повышения заработной платы, предоставления жилья. Марксисты же (которых Беньямин называет историческими материалистами) считали, что история не прогрессивна. Гораздо вероятней, что поступательное движение истории может быть нарушено исключительным событием, которую, например, представлял приход нацистов к власти. Рабочий класс, если он хотел освободиться от капитализма, также должен был думать об истории как о настоящем, как о совершаемой сегодня, как о моменте перелома.

Перейдем к тезисам Вальтера Беньямина. Их равно 18, и в них изложен концептуальный подход к изучению истории.

I. История рассказывает об автомате, созданном таким образом, что он может выиграть партию в шахматы, отвечая на каждый ход противника контрударом. Кукла в турецком наряде и с кальяном во рту сидела перед шахматной доской, поставленной на большой стол. Система зеркал создавала иллюзию, что этот стол прозрачен со всех сторон. На самом деле маленький горбун, который был опытным шахматистом, сидел внутри и управлял рукой марионетки с помощью веревок. Можно представить себе, пишет В. Беньямин, некий философский аналог этого устройства. Кукла под названием «исторический материализм» должна все время выигрывать. Она легко может победить любого, если заручится услугами богословия, которое сегодня, как мы знаем, иссохло и должно держаться подальше от взглядов.

II. «Одна из самых замечательных характеристик человеческой природы, – цитирует В. Беньямин Лотце, – заключается в том, что наряду с наличием в человеке эгоизма, проявляемого в конкретных случаях, ему присуща свобода от зависти, которую он в своем настоящем мог бы питать к своему будущему». Эти размышления показывают нам, что наше представление о счастье окрашено временем, к которому принадлежит наше нынешнее существование. Наше представление о счастье неразрывно связано с образом спасения или освобождения. То же самое относится и к нашему представлению о прошлом, которое является предметом истории. Прошлое несет с собой временной указатель, которым оно обозначает момент освобождения.

Существует тайное соглашение между прошлыми поколениями и нынешним. Наше пришествие ожидалось на земле. Как и каждое предшествовавшее нам поколение, мы были наделены некоей мессианской силой, той силой, на которую претендует прошлое. Это претензия не может быть удовлетворена так легко. Историческим материалистам это известно.

III. Летописец, который излагает события, не проводя различия между основными и второстепенными, действует в соответствии со следующей истиной: ничто из того, что когда-либо происходило, не должно быть потеряно для истории. Безусловно, только спасенное человечество получает всю полноту своего прошлого, то есть только для спасенного человечества прошлое принадлежит ему во всех его моментах. Каждый момент, пережитый им, заслуживает слов «И этот день есть Судный День».

IV. Классовая борьба, которая всегда присутствует у историка, находящегося под влиянием Маркса, – это борьба за грубые материальные вещи, без которых не может существовать никаких утонченных и духовных истин. Тем не менее, эти духовные ценности присутствуют в классовой борьбе не в виде трофеев, выпадающих на долю победителя. Они проявляют себя в этой борьбе в качестве мужества, юмора, хитрости и стойкости. Они имеют обратную силу и будут постоянно ставить под сомнение каждую, прошлую и настоящую, победу правящих. Также, как цветы обращаются к солнцу, движимые тайным гелиотропизмом, прошлое стремится обратиться к солнцу, которое поднимается на небе истории. Исторический материалист должен осознавать это самое незаметное из всех изменений.

V. Истинная картина прошлого проходит мимо. Прошлое может быть схвачено только как образ, который вспыхивает на мгновение, когда его можно распознать и больше никогда не увидеть. «Истина от нас не убежит»: в представлении историзма об истории эти слова Готфрида Келлера обозначают ту точку, где исторический материализм перерубает (подрезает) историзм. Ибо каждый образ прошлого, не осознаваемый в связи с настоящим, грозит безвозвратно исчезнуть. (Благая весть, которую историк прошлого приносит с пульсирующим сердцем, может быть потеряна в пустоте в тот самый момент, когда он раскрывает рот для ее произнесения).

VI. Вообразить прошлое исторически не значит осознать и увидеть его «таким, каким оно было на самом деле» (Ранке). Это означает сохранить прошлое в памяти так, как оно вспыхивает в момент опасности. Исторический материализм желает сохранить тот образ прошлого, который в момент опасности неожиданно представляется человеку, выделенному историей. Опасность затрагивает как содержание традиции, так и ее получателей. Та же угроза висит над обоими: стать инструментом правящих классов. В каждую эпоху необходимо заново пытаться вырвать традицию из конформизма, который вот-вот одолеет ее. Мессия приходит не только как спаситель, он приходит как покоритель Антихриста. Только у того историка будет дар вдохнуть искру надежды в прошлое, который твердо убежден, что даже мертвые не будут в безопасности от врага, если он победит. И этот враг не перестает быть победителем.

VII. Для историков, которые хотят погрузиться в ту или иную эпоху, Фустьель де Куланж рекомендует избавиться от всего, что они знают о дальнейшем ходе истории. Нет лучшего способа охарактеризовать метод, с которым порвал исторический материализм. Это процесс сопереживания, источником которого является бездеятельность сердца, апатия, пренебрегающая тем, чтобы схватить и удержать вспыхивающий на миг истинный исторический образ. Среди средневековых богословов апатия считалась первопричиной печали. Природа этой печали станет понятной, если спросить, кому на самом деле сопереживают приверженцы историзма. Ответ неизбежен: победителю. И все правители являются наследниками тех, кто победил до них. Следовательно, сочувствие победителю неизменно приносит пользу правителям. Исторические материалисты знают, что это значит. Тот, кто одержал победу, по сей день участвует в триумфальном шествии, в котором нынешние правители ступают над низверженными. Согласно традиции, в триумфальной процессии (победители) везут и

трофеи. Их называют культурными ценностями, и исторический материалист относится к ним с осторожностью. Все без исключения культурные ценности, которые он изучает, имеют происхождение, которое он не может созерцать без ужаса. Своим существованием они обязаны не только усилиям великих умов и талантов, создавших их, но и безымянному труду их современников. Нет такого документа цивилизации, который не был бы одновременно документом варварства. И точно так же, как такой документ не свободен от варварства, варварством отмечено и то, каким образом он передавался от одного владельца другому. Поэтому исторический материалист по мере возможности отмежевывается от него. Он считает своей задачей гладить историю против шерсти.

VIII. Традиция угнетенных учит нас, что «чрезвычайное положение», в котором мы живем, – не исключение, а правило. Мы должны достичь такого понимания истории. Тогда мы поймем, что наша задача – добиться реального чрезвычайного положения, и это улучшит наши позиции в борьбе с фашизмом. Одна из причин, почему у фашизма есть шанс, заключается в том, что во имя прогресса его противники рассматривают фашизм как историческую норму. Нынешнее удивление тому, что явления фашизма, которые мы переживаем, «все еще» возможны в XX веке, не является философским. Данное удивление – не начало познания, а лишь знание о том, что порождающий это удивление взгляд на историю несостоятелен.

IX. На картине Пауля Клее под названием «Новый ангел» изображен ангел, который словно собирается улететь от чего-то, что он рассматривает. Его глаза широко открыты, рот разинут, крылья расправлены. Так следует изображать ангела истории, считает В. Беньямин. Его лицо обращено в прошлое. Там, где мы воспринимаем целую цепь событий, он видит одну единственную катастрофу, которая продолжает громоздить обломки на обломках и бросать их ему под ноги. Ангел хотел бы остаться, пробудить мертвых и восстановить все, что было разрушено. Но сильный ветер, дующий из рая, не позволяет ангелу сложить крылья. Этот ураган, к которому ангел повернулся спиной, неудержимо толкает его в будущее, в то время как гора обломков истории растет перед ним ввысь. Этот ураган есть то, что мы называем развитием.

X. Темы, которые монашеский устав предписывал монахам для молитв, были призваны отвратить их от мира и его суеты. Мысли, которые мы здесь развиваем, исходят из аналогичных соображений. В тот момент, когда политики, на которых возлагали надежды противники фашизма, повержены и подтверждают свое поражение изменой, эти размышления направлены на то, чтобы оторвать политических деятелей от ловушек, в которые их заманили изменники. Наше размышление исходит из понимания того, что упрямая вера этих политиков в прогресс, их уверенность в своей «поддержке массами» и, наконец, их рабское вхождение во власть, стали тремя аспектами одного и того же факта. Следует донести мысль о той высокой цене, которую придется заплатить за то понимание истории, которого продолжают придерживаться эти политики.

XI. Конформизм, который с самого начала был неотъемлемой частью социал-демократии, связан не только с ее политической тактикой, но и с ее экономическими взглядами. Это одна из причин ее более позднего распада. Ничто так не развратило германский рабочий класс, как представление о том, что он плывет по течению. Он рассматривал технический процесс как течение потока, вместе с которым он плывет. От этого был всего лишь шаг до иллюзии, что фабричный труд, который должен стремиться к техническому прогрессу, является политическим достижением. Старая протестантская этика труда была возрождена среди германских рабочих в светской форме. Готская программа уже несет на себе следы этой путаницы, определяя труд как «источник всех благ и культуры». Почувствовав подвох, Маркс ответил на это: «человек, который не обладает никакой другой собственностью, кроме своей рабочей силы, должен по необходимости стать рабом других людей, которые сделали себя владельцами». Тем не менее, путаница распространилась, и вскоре после этого Иосиф Дицген провозгласил: «Спаситель современности – это работа. Улучшение условий труда представляет собой богатство, которое

в настоящее время способно дать то, что ни один спаситель не был в состоянии сделать». Эта вульгарно-марксистская концепция природы труда обходит молчанием вопрос о том, какую пользу может принести рабочим конечный продукт их труда, если они им не распоряжаются. Эта концепция признает только прогресс во власти над природой, а не регресс общества; он уже отображает технократические черты, с которыми позже столкнется фашизм. В их числе – концепция природы, зловеще отличающаяся от той, которая существовала в социалистических утопиях до революции 1848 года. Новая концепция труда сводится к эксплуатации природы, которая с наивным самодовольством противопоставляется эксплуатации пролетариата. По сравнению с этой позитивистской концепцией труда фантазии Фурье, которые так часто высмеивались, оказываются удивительно здравыми. Согласно Фурье, в результате эффективного коллективного труда четыре Луны осветят земную ночь, лед отступит от полюсов, морская вода больше не будет соленой, а хищные звери будут выполнять приказы человека, иронизирует В. Беньямин. Все это иллюстрирует некий труд, который, отнюдь не эксплуатируя природу, способен избавить ее от творений, потенциально заложенных в ней. Природа, которая, как Дицген добавляет, «дана даром» является дополнением к искаженному пониманию труда.

XII. Не человек и не люди, а борющийся, угнетенный класс сам является носителем исторических знаний. У Маркса он появляется как последний поработенный класс, как мститель, который завершает задачу освобождения во имя поколений угнетенных. Это убеждение, которое имело кратковременное возрождение в Спартаковской группе, всегда вызывало возражения у социал-демократов. В течение трех десятилетий им удалось практически стереть имя Бланки, хотя это был объединяющий призыв, который звучал на протяжении всего предыдущего столетия. Социал-демократия считала целесообразным возложить на рабочий класс роль освободителя будущих поколений (свобода будет у будущего поколения рабочих, не у нынешнего), тем самым, перерезала сухожилия его величайшей силе. Этот урок заставил рабочий класс забыть, как свою ненависть, так и свой дух самопожертвования, поскольку они питаются образом поработенных предков, а не идеалом освобожденных внуков.

XIII. Социал-демократическая теория, а тем более ее практика, были сформированы концепцией прогресса, которая не придерживалась реальности, а выдвигала догматические требования. Прогресс в понимании социал-демократов, был, прежде всего, прогрессом самого человечества (а не только человеческих способностей и знаний). Во-вторых, этот прогресс был чем-то безграничным в соответствии с бесконечным совершенствованием человечества. В-третьих, прогресс рассматривался как непреодолимое явление, которое автоматически двигалось по прямой или по спирали. Каждое из этих положений противоречиво и открыто для критики. Однако критика должна проникнуть за пределы этих положений и сосредоточиться на том, что их объединяет. Концепция исторического прогресса человечества не может быть отделена от концепции его развития через однородное пустое время. Критика такой концепции прогресса должна лежать в основе любой критики самого прогресса.

XIV. История является предметом структуры, которая существует не в однородном, пустом времени, но во времени, наполненном настоящим моментом. Например, для Робеспьера Древний Рим был прошлым, наполненным настоящим, и это прошлое он вырвал из континуума истории. Французская революция позиционировала себя реинкарнацией Рима. Она воскрешала Древний Рим, как мода воскрешает наряды прошлого. Мода имеет особое чутье на актуальное, независимо от того, что она разворошит в зарослях давно ушедшего; это прыжок тигра в прошлое. Этот прыжок, однако, происходит на арене, где команды отдает правящий класс. Тот же прыжок в историю – диалектический, как Маркс и понимал революцию.

XV. Осознание того, что они вот-вот взорвут континуум истории, характерно для революционных классов в момент их действия. Великая революция ввела новый календарь. Начальный день календаря служит в качестве камеры, фиксирующей определенный промежуток исторического времени. И, в основном, это тот же день, который повторяется под видом праздников, являющихся днями памяти.

Таким образом, календари не измеряют время, как часы; они являются памятниками исторического сознания, о котором в Европе за последние сто лет не осталось ни малейшего следа. В июльской революции произошел инцидент, который показал, что это сознание все еще живо. В первый же вечер боев выяснилось, что одновременно и независимо друг от друга из нескольких мест Парижа восставшие обстреливают башенные часы. Очевидец тех событий написал следующее: «Можно ли в это поверить! Словно негодуя на само время, новые Иисусы выстрелили по циферблатам башен, чтобы задержать этот день!».

XVI. Исторический материалист не может обойтись без понимания настоящего, которое не является уходящим, но которое есть остановившееся в данный момент время. Ибо это понимание определяет настоящее как время, в котором он сам создает историю. Историзм дает «вечный» образ прошлого, исторический материализм – уникальный опыт переживания прошлого. Исторический материализм взрывает континуум истории.

XVII. Историзм по праву достигает высшей точки во всемирной истории. Материалистическая историография отличается от него по своему методу. Всемирная история не имеет теоретического вооружения. Ее метод является аддитивным; он собирает массу данных для заполнения однородного, пустого времени. Материалистическая историография, наоборот, основана на конструктивном принципе. Мышление предполагает не только поток размышлений, но и их остановку. Там, где размышление внезапно останавливается в череде событий на точке, чреватой противоречием, особым накалом, оно подвергает это событие точечному удару, повышенному вниманию, посредством которого событие кристаллизуется в обособленный, конкретный, значимый факт. Исторический материалист подходит к исторической теме только там, где сталкивается с ней как с монадой. Такой подход позволяет обнаружить знак, момент приостановки исторического развития, иначе говоря, революционный шанс в борьбе за угнетенное прошлое. Исторический материалист принимает это во внимание, чтобы обнаружить такие моменты на фоне однородного плавного течения истории.

XVIII. «По отношению к истории органической жизни на земле, – пишет современный биолог, – ничтожные пятьдесят тысячелетий homo sapiens составляют что-то вроде двух секунд в конце 24-часового дня. В таком масштабе история цивилизованного человечества составляет лишь пятую часть последней секунды последнего часа». Настоящее, нынешний день, который включает в себя всю историю человечества в колоссальном сокращении, точно совпадает с тем отрезком времени, которое составляет история человечества во Вселенной.

В завершении своих тезисов Вальтер Беньямин приводит 2 ссылки:

А. Историзм заключается в установлении причинно-следственной связи между различными моментами истории. Но не факт, что эта связь есть историческое явление. Она стала историческим посмертно, как бы через события, которые могут быть отделены от него тысячами лет. Историк, который принимает это как отправную точку, перестает рассказывать последовательность событий, подобно тому, как перебирают четки. Вместо этого он постигает совокупность, которую его собственная эпоха сформировала вместе с более ранней эпохой. Именно таким образом он и устанавливает понятие «время сейчас», заданное осколком мессианского времени.

Б. Прорицатели, «общающиеся» со временем, конечно, не рассматривают его как однородное или пустое. Мы знаем, что евреям было запрещено исследовать будущее. Однако Тора и молитвы наставляют их в воспоминаниях. Это лишило будущее его магии, которой поддаются все те, кто обращается к прорицателям за предсказанием. Однако это не означает, что для евреев будущее превратилось в однородное, пустое время. Ибо каждая секунда времени была воротами, в которые мог войти Мессия.

Книга: Теория литературы: Антология, том III

Лекция: 17. Вальтер Беньямин: «Тезисы по философии истории» (1940)

Вопросы для закрепления темы:

1. В чем состоит отличие в подходе к изучению истории представителя историзма и представителя исторического материализма?
2. Что в понимании Вальтера Беньямина есть «время сейчас» (Jetztzeit) и «однородное, пустое время»?

Литература:

1. Benjamin Walter. Theses on History. – Schocken Books, 1955. – P. 253-264.